МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД СОЦИАЛЬНО--ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ГОРБАЧЕВ-ФОНД)

Коммерческо-издательский отдел

Д. Фурман

Культурные и социально-психологические основы современного армянского национального движения

Москва
1993

При всем многообразии этнических конфликтов и национальных движений на территории бывшего СССР армянское движение представляет собой нечто исключительное. Это — первое из крупных национальных движений, за поразительно короткий срок ставшее общенациональным и надолго сплотившее нацию. По масштабам, упорству и сплоченности движение за соединение Армении с Карабахом оставляет позади себя все прочие национальные движения, даже такие организованные, как прибалтийские. И наряду с этим армянское движение резко отличается от других по своим задачам. Здесь на первом месте — Миацум (соединение с Карабахом), а не достижение независимости, которое произошло в огромной степени силой обстоятельств — в ходе общей дезинтеграции Советского Союза. Более того, самые националистические зарубежные армянские партии и их сторонники в Армении выдвигали наибольшие возражения против независимости. (Представим себе на минуту, чтобы украинская или эстонская националистическая эмиграция выступала против независимости своих стран!).

Таким образом, армянское национальное движение весьма своеобразно. Чем же объяснить его особенности? Можно ли их объяснить объективными внешними факторами — особо сильным угнетением карабахских армян азербайджанцами, делавшим задачу их спасения неотложной и заслоняющей все другие задачи? На наш взгляд, нет. Положение армян в доперестроечном Карабахе требует беспристрастного изучения, но здравый смысл говорит о том, что, хотя карабахские армяне, несомненно, в определенной мере притеснялись, степень этого притеснения не могла быть выше, чем у многих других народов СССР. Все нацменьшинства в той или иной степени могли ощущать себя притесненными и вряд ли, например, у татар или башкир было меньше объективных оснований считать себя притесненными русскими, чем у азербайджанцев в Армении — армянами или у карабахских армян — азербайджанцами. Чтобы понять карабахское движение, очевидно, надо обратить внимание не только на объективные, внешние условия жизни народа, но и на то, что это за народ,

какова его культура, психология, историческая память. Реакция на внешний стимул всегда является производным двух факторов — самого стимула и того, чья это реакция, и мы попытаемся в какой-то мере понять этот второй фактор.

Очевидно, важнейшим обстоятельством армянской истории, в громадной степени определившим дальнейшие судьбы армянского народа, был монофизитский выбор, сделанный армянской церковью в V веке н.э. Культурное своеобразие Армении, связанное с буферным и маргинальным ее положение и до V в., закреплялось в строе армянской церкви (создание армянского алфавита и принятие грабара как богослужебного языка уже в какой-то мере отделило эту первую христианскую нацию от других). Но монофизитство окончательно выделило армян в этнос-религию, этнос-церковь, еретический для православных и католиков и имеющий лишь относительно слабые связи с другими монофизитами — сирийцами и коптами. Естественно, что организационное и догматическое отделение привело к закреплению множества культов и организационных отличий, составляющих в целом своеобразие армянского христианства: свое летоисчисление, особенности пасхального цикла, особый способ объяснения мира и многое другое. И очень характерно, что, хотя в самой богословской основе выделения армянской церкви нет никакого намека на идею избранности нации (как у другого этноса-религии — евреев, сравнение с которыми армян, на наш взгляд, дает ключ к пониманию многих особенностей армянской истории), идея избранности все же возникает как естественное следствие факта связи «истинной веры» и этноса, что нашло отражение у ряда армянских средневековых авторов, например, Киракоса Гандзакеци*).

---

*) Киракос говорит о видении, бывшем обратившимся в армянское христианство мусульманам. Они видели Христа, которому поклоняются народы христиан. Когда к нему подошли армяне, «он вместе с престолом своим двинулся им навстречу и, облобызав их вместе с их предводителями, воздал им больше почестей, чем всем остальным народам». — Киракос Гандзакеци. История Армении. — М., 1976. — С. 215. Даже в XIX в., когда роль догматических различий резко упала, Х. Абовян пишет: «Мы... хорошо знаем, что превыше двенадцати и семидесяти двух народов стоит народ армянский, что армянского богословия и шаракана, армянского мира к символу веры, нет ни у одного другого народа». — Х. Абовян. Раны Армении. — Ереван, 1955. — С. 139.

Как и у других народов, у которых существовала привязанность этноса к религии, у армян эта связь приводит к особой устойчивости этноса, его сопротивляемости ассимиляции. В средние века в рамках великих религиозных общностей — православной, католической, мусульманской — этнические барьеры были очень слабыми и переход из этноса в этнос относительно легким. Высшая ценность — религия, и тюркизирующийся перс или онемечивающийся чех не воспринимали процесс этнического перехода как нечто важное, как дело выбора (в отличие от перехода в иную веру). Недаром средние века дают так много людей с непонятной национальностью, из-за которых потом, когда национальные границы приобрели иную значимость и ценность, начались идейные бои. Но для армян, как и для евреев, хотя, разумеется, в меньшей степени, полная ассимиляция невозможна, ибо наталкивается на необходимость перехода в другую веру. Эти этносы как бы окружены двумя стенами — собственно этнической и религиозной.

К XYII в., например, существовашая с XI в. львовская армянская община уже давно утратила армянский язык, перейдя на польский и тюркский, как утратили язык армяне в Стамбуле, Сирии, Египте. Но от этого они не перестали быть армянами, не растворились среди окружавших их народов, как не растворялись давно забывшие свой язык евреи. Когда вначале XYII в. в контрреформационной Польше начинается гонение на армян с целью заставить их перейти в католичество, уже давно перешедшие на польский львовские армяне предпочитают эмиграцию в Молдавию и Валахию[1]. Естественно, что по отношению к мусульманским народам препятствующая ассимиляции граница была еще более непроходимой, чем на Западе.

Ясно, что этнос, устойчивый к ассимиляции, легко создает диаспору, ибо куда бы ни попала группа его представителей, она не растворяется, «консервируется». Но созданию армянской диаспоры способствовало и географическое, геополитическое положение Армении — постоянного буфера между Византией и персами, затем арабами, затем — между турками и персами. Постоянные походы через Армению, многократные насильственные переселения, серия «вавилонских пленений» армян (роль шаха Аббаса вполне сопоставима с ролью Навуходоносора) создали громадную армянскую диаспору, вполне сравнимую с еврейской. В XVII в.

1) См.: L. Arpee. A History of Armenian Christianity. — New York, 1946. — P. 226.

Симеон Лехаци, путешествуя по Европе, Азии и Африке, фактически переезжает от одной армянской общины к другой. Он пишет: «И если посмотреть, то от Молдавии до Стамбула и от всей Румынии до великой Венеции нет города, села или поместья, где не было бы армянина, ибо погрязнув в грехах наших, мы, подобно пыли, рассеялись по лицу земли»[1]. В XVIII в. армянские колонии раскинулись от Мадраса и Манилы до Марселя и Амстердама, а затем распространились и по Новому Свету.

Мы идем по цепочке причинно-следственных связей. Связь религии и этноса ведет к устойчивости этноса. Отсюда — его диаспоричность. Но диаспоричность порождает другое следствие. Прежде всего, ясно, что диаспора в средние века и позже означает сосредоточение в руках диаспорического этноса торговли и финансов, ибо для армян торговые операции между Персией и, скажем, Польшей — это торговые операции представителей одного и того же народа, одной и той же веры. Роль армянских купцов и финансистов (амиров и ходжей) в экономике Персии и Турции была грандиозна и вполне сопоставима с ролью евреев в Польше. Второе следствие диаспоры — это возникающая в ней, особенно в начале Нового времени, открытость новым знаниям и передовым идеям. Достаточно вспомнить, например, факт издания армянских журналов в Индии до прихода англичан, где печатались, в том числе, и переводы французских просветителей (журнал «Аздарар» Шваморяна) и где разрабатывались проекты конституции Армении (кружок Шаамиряна). Характерно, что эта высокая, европейски ориентированная культура — это именно культура диаспоры, а не Армении, причем не только диаспоры западной. Так, первые печатные книги на армянском появляются в Венеции в 1512 г., в Стамбуле армянская типография — с 1568 г., в Новой Джульфе, армянском центре Ирана — с 1639 г., а в Эчмиадзине на деньги армянских купцов из Индии типография создается только в 1771 г.

Какова же могла быть судьба армянского народа, диаспоричность которого сделала его, во-первых, народом торгово-финансовым, во-вторых, просвещенным и проводником европейских идей и европейского влияния в условиях поднимающегося в XX в. нерелигиозного национализма? Очень близкой к судьбе другого народа, в культуре которого действует схожая конфигурация факторов — связь религии и этноса, диаспоричность, специфическая экономическая роль, открытость новому — евреев. Как в Германии эпоха Просвещения открывает для евреев двери в общественную жизнь, науку и т.д., но порождает

---

1) С. Лехаци. Путевые заметки. — М., 1965. — С. 97.

и светский, нерелигиозный немецкий национализм, делающий евреев «козлами отпущения» и в конечном счете приведший к геноциду, немыслимому в средние века, так и в Турции европеизация XIX века приносит резкое улучшение положения армян, но ведет и к светскому турецкому национализму, «тюркизму», породившему в конечном счете геноцид (или «протогеноцид») 1915 г., не только технически, но и психологически невозможный в традиционном мусульманском обществе.

Геноцид евреев и геноцид армян подводят страшную черту под перечнем следствий связи религии и этноса и сходства еврейской и армянской истории.

Своеобразное положение армянского народа и его трагическая судьба не могли не отразиться на своеобразии национального самосознания армян в Новое время, в эпоху секуляризации. Средневековая религиозная идеология давала объяснения и создавала идейные компенсации странному и «ненормальному» положению этноса. У евреев — это вера в избранность и грядущее царство мессии. У армян также возникает идея избранности как следствие, логический вывод из факта совпадения религии и этноса. И как такое же следствие из «фактов истинной веры» и отсутствие своей государственности возникает идея восстановления армянского царства в конце истории.

Х. Абовян изрекает устами своих героев: «Говорят, пока не придет конец света, не будет у нашего народа ни царства своего, ни престола»[1]. Упадок этой идеологии в новое время означал осознание особого положения этноса как мучительной проблемы, требующей нового решения — как идейного, так и волевого, действенного. Диаспоричность, отсутствие своего государства теперь уже не могут объясняться волей Божией и компенсироваться идеей избранности и неизбежного возмещения Богом страданий народа в конце истории. Они воспринимаются теперь как «неполноценность», требующая усилий воли для ее ликвидации. У евреев это порождает сионизм с его глубочайшим ощущением «ненормальности» положения евреев как национальной «неполноценности» и пафосом нормализации, как писал Бубер, попыткой волевой классификации неклассифицируемого. Работа по воссозданию, «нормализации» еврейского общества, проделанная сионизмом — работа поистине титаническая, и проделать ее можно было лишь при немыслимо высокой мотивации, крайне остром ощущении ненормальности и стремлении к норме. У армян, которые никогда полностью не теряли, как евреи, исторической

1) Х. Абовян. Указ. соч. — С. 140.

родины, это — борьба за воссоздание армянского государства. И очень характерно, что особую роль в этой борьбе играла более мучительно переживающая свое положение и более просвещенная диаспора, в которой создавались революционные организации, из которой направлялись в Турцию агитаторы и организаторы выступлений, и которая, как и еврейская диаспора, пыталась использовать свое влияние в странах проживания для освобождения Родины (что, между прочим, естественным образом усиливало турецкую реакцию и объективно вело к 1915 г.).

Любой национализм в какой-то мере — порождение ощущения народом «комплекса неполноценности». Сионизм и армянский национализм питаются дискриминацией, национальными преследованиями и оскорблениями, отсутствием своего государства, то есть, психологическими травмами, нанесенными национальному самосознанию. Но в этом отношении геноциды — кульминация этих травм, предельная трамва. Состояние народа, пережившего геноцид, можно сравнить лишь с состоянием человека, которого зверски изнасиловали. Армянский социолог Г. Погосян говорит об отсутствии исследований о психологическом значении геноцидов. «Ясно лишь одно, — отмечает он, — что геноцид оставил глубочайший след в сознании народа. Очевидно, что эхо этой далекой трагедии накладывается и на людское горе сегодня, придавая ему особую остроту»[1]. Французский исследователь Ж.П. Ришардо назвал армян «народом, травмированным навсегда»[2]. Это — страшная травма, не могущая не породить сильнейшего невроза, навязчивых воспоминаний о ужасе, страха его повторения, стремления самоутвердиться и даже отомстить. И это, безусловно, присутствует и в еврейском, и в армянском самосознании. Однако истории евреев и армян после геноцида резко отличаются и соответственно — возникают большие различия в национальной психике.

У евреев геноцид приблизительно совпадает во времени с величайшим событием еврейской истории — созданием государства Израиль, достижением почти чудесной, немыслимой нормализации положения евреев, их превращения в народ среди других народов. И хотя нормализация эта не полная, ибо положение Израиля, не признаваемого его соседями, очень сложное, что вновь поднимает страх повторения геноцида, на этот раз — со стороны арабов, и возрождает в какой-то мере ощущение гетто, серия военных побед Израиля, появление в нем нового поколения людей, выросших в

---

1) Коммунист. — 1989. — 1 июля.

2) Голос Армении. — 1991. — 22 января.

независимом государстве, постепенное примирение с ним соседей, неуклонно ведет к «успокоению», нормализации еврейского самосознания, прежде всего — в Израиле, но в какой-то мере и в диаспоре, ощущающей за своими плечами поддержку мощного государства.

В армянской истории не произошло такого события, компенсирующего травму от геноцида и нормализирующего самосознание события. Создание своего государства, появление руководимой дашнаками Армянской Республики таким событием не стало, ибо зажатая между угрозой с Юга и угрозой с Севера, получившая независимость во многом против своей воли, силой обстоятельств, Армения предпочла полугосударственный статус в СССР при гарантии национального существования эфемерной и не дающей таких гарантий полной независимости. Фактически дашнаки отказались от борьбы за независимость, и неудачная Армянская Республика 1918-1921 гг. не только не явилась событием, освобождающим народ от невротического ощущения собственной недостаточности, невозможности для него того, что возможно для других народов — нормального государственного существования, но скорее усугубило это ощущение. Видный дашнакский деятель О. Качазнуни позже писал: «С первого же дня нашей государственной жизни мы отлично понимали, что такая маленькая, бедная, разоренная и отрезанная от остального мира страна, как Армения, не может стать действительно независимой и самостоятельной»[1]. И далее: «Мы должны быть благодарны большевикам. Свергнув нас, они, если не сказать — спасли, то, во всяком случае, поставили на более надежные рельсы унаследованное дело»[2].

И хотя есть некоторая параллель роли Советской Армении для армянского народа и роли Израиля для евреев (поддержка диаспоры, роль ее культурного центра, движение реэмиграции, сопоставимое с сионистскими реалиями и т.д.), Советская Армения, государство не независимое, судьба и безопасность которого зависят не от него самого, а от СССР, Москвы, естественно, не могла, во всяком случае до конца, выполнить функцию Израиля — функцию нормализации, успокоения израненного, травмированного национального самосознания.

В самосознании евреев триумфы Израиля и просто его проблемы постепенно заслонили травму геноцида. У армян этого не

1) О. Качазнуни. Исповедь политического лидера // Голос Армении. — 1991. — 26 января. — С. 4.

2) Там же.

происходило. Прошлое оставалось незажитой раной. Сознание нации центрировалось на страшных событиях прошлого, вновь и вновь переживая их, как сознание изнасилованной женщины вновь и вновь возвращается к пережитому ужасу. И при ограниченных возможностях нормальной, реальной национально-государственной жизни происходит нечто вроде фантастической, мечтательной компенсации.

В диаспоре «исторические партии» сохраняют и культивируют идеологию мести туркам и восстановления исторических границ Армении (но не восстановления армянской независимости, которая парадоксальным образом кажется менее реалистической перспективой, чем возвращение Карса и Эрзерума). При этом никаких реальных путей для осуществления этого нет — есть лишь надежда на чудо, на какую-то констелляцию обстоятельств, постоянное давление на «страны проживания», результатом которого могут быть лишь чисто символические успехи, вроде осуждения Европарламентом геноцида 1915 г. и, как прямое следствие безнадежности и бессилия, террор, организованный армянскими «революционными» группировками против турецких дипломатов в 70-е годы.

Идеология диаспоры как «неофициальная» идеология доминировала и в Советской Армении (и, естественно, в советской армянской диаспоре). Здесь также господствовали и господствуют мечты о реванше и возвращении армянских земель. «... Мы обреченно воздыхали, вспоминая не только о горе Арарат, которая на нашем государственном гербе, но за нашими границами.., но и о Карабахе и Нахичевани. ...Наши сердца воистину обливались кровью при взгляде на карту»[1].

Армянские историки и публицисты, не имея возможности бороться за настоящее, ведут борьбу за прошлое. Наверное, нет другого народа, который бы больше жил в прошлом, переживая и прошлое величие, и прошлые катастрофы. (Вспомним «Уроки Армении» А. Битова). Под покровом советской интернационалистской идеологии велось нечто вроде войны историков, войны-реванша, и самые эзотерические проблемы, которые у других народов могут волновать лишь кучку специалистов, вроде проблемы албанизмов в языке Мовзеса Каланкатауци, приобретают общественную значимость; статьи об этом помещались, например, в «Коммунисте Армении». Ненависть к турецким насильникам входила составным элементом и в неофициальную, и в официальную идеологию Советской Армении.

1) Голос Армении. — 1989. — 12 октября.

Причем Москва, очевидно, сознательно допускала в этом вопросе определенные отклонения армянской позиции от официальной позиции СССР, ибо эта ненависть была гарантией того, что армяне никогда не повернутся против России.

Ни в Советской Армении, ни в зарубежной диаспоре невроз не компенсировался и не рассасывался; он консервируется. Страх соседей, страх повторения 1915 г. и сейчас не исчезает, естественная ненависть к прошлым насильникам не проходит, как прошла в основном ненависть евреев к немцам. Более того, она принимает, на наш взгляд, даже особо болезненные формы, граничащие с расизмом.

Вот образцы этой фактически расистской ненависти, взятые из официального армянского «Коммуниста». Это — тексты 1989 г., но в это время лишь выходит наружу то, что в скрытом виде было и раньше. «Хочется отметить, что сумгаитская резня, по-видимому, позволяет ставить вопрос о существовании «своеобразной» турецкой (ибо азербайджанцы генетически принадлежат к турецкому этносу) модели межэтнических отношений. Такое подтверждается не только армянским геноцидом 1916, 1918 и 1920 годов, но и турецко-греческим конфликтом 1974 г. на Кипре, а также, очевидно, событиями в Косово»[1]. (Автор, как мы видим, причисляет албанцев к тюркам — Д.Ф.). А вот место из совершенно патологической публицистики З. Балояна. Он пишет, что в Карабахе, к сожалению, было много смешанных браков, а это объясняется тем, что во время войны все армяне ушли на фронт: «И не мудрено, что при гипнотической сталинской национальной политике в крае отмечались смешанные браки»[2]. Поразительная «глухота» нашего российского демократического движения проявлялась и в том, что З. Балоян не только считался прогрессивным демократическим деятелем, но и, вроде бы, был близок к академику А.Д. Сахарову.

При первом дуновении свободы, которую несла с собой перестройка и которая не только пьянила, но и страшила, ибо освобождение от тоталитарной дисциплины — это освобождение для всех, в том числе и для насильников, которые могут вернуться к прошлому, подавленные страхи, мечты о восстановлении исторической справедливости и реванше выходят наружу с немыслимой силой. Если у прибалтов, украинцев и других народов

---

1) Г. Багразян. Сумгаит — Чернобыль духа // Коммунист. — 1989. — 2 декабря.

2) З. Балоян. Арцах — раны и надежды // Коммунист. — 1989. — 13 сентября.

возникшее с перестройкой национальное движение направлено против «русского владычества», за выход из СССР, то здесь этого не происходит.

Движение сплачивается не вокруг идеи независимости, а вокруг идеи возвращения Карабаха, компенсации, реванша за геноцид 1915 г.; причем азербайджанцы выполняют как бы функцию заменителей турок. Ставший эмигрантом и дашнаком армянский диссидент Э. Оганесян пишет: «Идея воссоединения Арцаха... с Арменией стала главной для всех армян, как на родине, так и за рубежом... Политическое мышление армян на всех социальных уровнях обращается вокруг этой главной, если не сказать единственной, национальной идеи...»[1]. Не учитывая этого, а также травмы 1915 г. и отождествления в армянском сознании азербайджанцев и турок, на наш взгляд, мы не сможем понять смысл и функции этого движения, отодвинувшего на задний план в сознании народа все другие проблемы.

Мощь и страстность карабахского движения — порождение психической травмы, невроза национального самосознания. Но неврозы обладают одной особенностью, изученной в свое время Карен Хорни, — они порождают действия, вызванные страхом повторения некоей мучительной, травмирующей ситуации, но не адекватные реальной ситуации и фактически ведущие как раз к этому повторению. Карабахское движение нельзя понять без учета травмы 1915 г. Но фактически оно вело к серии новых травм. Мы здесь не говорим о моральной стороне дела — о преступлениях азербайджанских погромщиков в Сумгаите, а затем в Баку. Мы говорим лишь о цепочке причинно-следственных связей. А цепочка эта очевидна: не возникни мощного движения, пытающегося через Центр — через Москву — соединить НКАО с Арменией (что для армян означало бы восстановление исторической справедливости, но для азербайджанцев — надругательство над суверенитетом республики), более того, не будь уже возникшей к тому времени волны беженцев-азербайджанцев из Армении — Сумгаита и Баку не было бы. Но после того, как преступления в Сумгаите и Баку произошли, совершилось как бы подтверждение всех прошлых страхов. Весь длительный опыт спокойного и мирного сосуществования армян и азербайджанцев и в Армении, и в Азербайджане, говорящий о том, что на самом деле никакого глубинного конфликта и несовместимости между ними нет, оказался перечеркнутым.

В начале борьбы за Карабах казалось, что еще немного, еще

---

1) Э. Оганесян. Век борьбы. — Мюнхен-Москва, 1991. — С. 561.

один нажим российских демократов, безоговорочно поддерживавших армян, и Карабах будет передан Армении. (Если требования и иллюзии армян — естественны, порождены армянской историей, спецификой армянского самосознания, то безоговорочная поддержка карабахского движения российской либеральной интеллигенцией, возможно, тоже естественна, но все же является и проявлением поразительной безответственности и глухоты).

Но по мере того, как демократы от лозунга права наций на самоопределение перешли к более выгодному для них, позволяющему вступить в союз со стремящейся к перераспределению власти в свою пользу бюрократией республик (и отчасти российской) лозунгу суверенитета республик, перспектива присоединения Карабаха становится все более призрачной. Вновь Армения оказалась одинокой, всеми преданной, брошенной на растерзание. Круг замкнулся, история повторилась, и ужас 1915-1920 гг., преследовавший национальную память армян, как бы возвратился в реальности. И как выраженная в «секулярной» форме мольба о чуде, о божественной помощи звучит заклинание армянских публицистов: «Армения, армянство — соль Земли, планеты. И мировое сообщество не допустит его гибели» [1].

Когда читаешь О. Качазнуни, который пишет, как к концу 1915г. «эйфория и самогипноз» сменились ужасом, как «искали доказательств предательства русских и, конечно, находили, точно также, как шесть месяцев тому назад искали и находили доказательства благожелательного отношения русских» [2], создается ощущение, что читаешь про 1988-1989 гг., когда перестроечная «эйфория» сменилась ужасом, разочарованием в Центре и антирусскими настроениями. Но история, если и повторяется, то частично, на новом витке спирали.

Как и в 1918 г., в 1992 г. Армения приходит к независимости в огромной степени силой обстоятельств — из-за глубокого разочарования в «центре», сменившего наивную веру, подогреваемую российскими демократами, что еще немного и цель будет достигнута, и главное — из-за общего процесса дезинтеграции СССР. Но независимость, к которой она приходит, значительно прочнее, чем независимость 1918 г. Это — независимость в ином мире — мире ООН, СБСЕ и т.д., мире, в котором с 1945 г. ни одно

1) Р. Мадаян. За стойкость веры и воли // Коммунист. — 1990. — 2 марта.

2) О. Качазнуни. Исповедь политического лидера // Голос Армении. — 1991. — 25 января. — С. 3.

признанное мировым сообществом государство независимости не утрачивало.

Страх перед Турцией, достаточно реальный в 1915-1920 гг., когда она вела войну и боролась за выживание, сейчас — чисто мифологический и невротический. Как показали события 1991-1992 гг., стремящейся войти в Общий рынок Турции очень нужно армяно-турецкое сближение, и из факта чудовищного погрома, устроенного в 1915 г. находящимися в истерическом состоянии из-за неудач на фронтах и поддержки армянами Антанты младотурками никак не следует, что современная Турция — угроза Армении. Другое соседнее государство — Иран — при всей антимусульманской риторике армянских публицистов, неожиданно оказалось чуть ли не союзником Армении в армяно-азербайджанском конфликте. Но и российская революция 1988-1991 гг. — это не революция 1917 г., и шансов на возникновение аналога большевистской Красной Армии, способной повторить полузавоевание-полуосвобождение Армении, очень мало. Мир, в котором оказалась независимая Армения в 1991 г. значительно менее угрожающий, чем фантастический мир, порожденный невротическими страхами, связаными с переживаниями 1915 г., и менее угрожающий, чем реальный мир 1918 г. (Хотя одновременно этот мир и не оставляет возможности для реализации планов «Великой Армении»).

И Армения сейчас — это не Армения 1918 г. При всей призрачности армянской государственности советского периода, Армянская ССР все же была «полугосударственным» образованием с четкими границами, с несомненным национальным лицом. В этом «полугосударстве» выросла мощная армянская интеллигенция и не менее мощная бюрократия. Несмотря на всю мощь и видимое господство армянской «невротической мифологии», в этой новой армянской элите, связанной не с диаспорой, а с самой Арменией, образованной, обладающей гарантированным статусом, постепенно и незаметно складывались новая, более «реалистическая» психология, глубоко отличная от психологии диаспоры и от психологии дашнакской политической элиты 1918-1920 гг. Как и все интеллигентски-бюрократические элиты союзных республик, она не могла не стремиться к большей власти, к большей независимости от Москвы, и это, диктуемое ее социальным положением и социальными интересами, стремление, в конечном счете, оказывается сильнее мифологических схем и даже — требований, диктуемых борьбой за Карабах.

Если вначале идея независимости выдвигается немногими диссидентами (прежде всего П. Айрикяном), то постепенно к ней переходит и возникшее из Комитета «Карабах» Армянское

общенациональное движение (АОД) во главе с Л. Тер-Петросяном, пришедшее к власти на первых свободных выборах, на сторону которого, как это происходит с аналогичными движениями в других республиках, постепенно переходит основная масса местной элиты. И если в 1988-1989 гг. голос этой элиты тонул в общеармянском хоре, требующем Миацума, то по мере движения к независимости он становится слышен все более отчетливо. И требует он уже не Миацума, а прежде всего — стабилизации положения независимой Армении, от которой неотделима стабилизация ее собственного положения.

Российская пресса за шумом карабахского конфликта «пропустила» глубочайшее изменение, происшедшее в идеологии АОД, борьба которого за власть и независимость сопровождалась изживанием (и довольно быстрым) глубиной национальной мифологии. Между тем сами АОДовские лидеры, и прежде всего Л. Тер-Петросян, склонны преуменьшать революционность значения этих изменений.

Л. Тер-Петросян говорит: «Объективным является то, что трудно нашему народу, в течение 70 лет вскормленному на одной психологии, сегодня внутренне совершить крутой поворот и допустить возможность нашего диалога с Турцией... Я думаю, что самое большое достижение, самая большая революция в нашем политическом мышлении, чего мы достигли в течение последних лет, — это отказ от пустой мысли надеяться на другого, на покровительство третьего государства. В течение 300 лет политическая мысль армянского народа отравлялась ошибочной идеей о том, что крупные державы — иногда Западной Европы, и, как правило, Россия — должны осуществить наши национальные задачи...»[1]. В интервью «Независимой газете» он говорит: «Мы отказались от идеи ориентации, на которой почти 300 лет основывалась политическая мысль Армении... Конечно, оппозиция до сих пор обвиняет нас в национальном предательстве, но мне кажется, психологические барьеры преодолены...»[2].

Д. Шахназарян, член правления АОД, так характеризует задачу: «Движение взяло на себя тяжелую миссию — переориентировать политику Армении на реальность». Это армянское «новое мышление» и соответствующие ему действия, прежде всего, диалог с Турцией, вызывают, естественно, бешеную оппозицию. Против Тер-Петросяна — вся мощь трехсотлетней мифологии, вся мощь армянского «комплекса национально-государственной

1) Голос Армении. — 1990. — 25 ноября.

2) Независимая газета. — 1992. — 13 августа.

неполноценности» и вся история карабахского движения, возникшего отнюдь не как движение за независимость, все свои расчеты строившего на давлении на Москву, на Центр. При этом объединяются самые разные силы, воплощающие разные аспекты этого армянского традиционного мышления.

Это, во-первых, вернувшиеся в 1990 г. в Армению и создавшие здесь свои отделения партии диаспоры — прежде на селе (дашнаки) — с их страстным антитюркизмом и традиционной политической опорой на Россию. (Только догматизм большевиков сделал «антисоветчиков» из дашнаков, лидер которых писал в 1924 г.: «Разрушить Советскую власть... означает разрушить и Армению. Каждая попытка в этом отношении — *измена* по отношению к Родине»[1]). Лидер дашнаков Г. Марухян в своем первом интервью армянской прессе говорил: «Хотелось бы сообщить господину Горбачеву, что стержневым принципом нашей политики в Армении является поощрение арцакского движения в политически зрелом направлении, которое исключает антисоветские и антирусские настроения»[2]). А Э. Оганесян говорит: «...Если сегодня Армения вдруг станет независимой страной, то это не будет означать того, что русские подарили нам свободу. Напротив - это будет означать, что русские подарили нас Турции»[3]). И так как перехватить инициативу у АОД и добиться власти дашнакам не удается (это удалось лишь в Карабахе, где реальность наиболее близка к дашнакскому мифу), и Армения устремляется к независимости, дашнаки первыми переходят в решительную оппозицию.

Во-вторых, это партийные функционеры КПСС, не нашедшие по тем или иным причинам места в АОД и использовавшие карабахское движение для того, чтобы помешать Армении выйти из СССР, сохранить максимальные связи с Москвой, что означает для них — сохранить свою роль, свое влияние. «Руководствуясь национальными целями, в первую очередь проблемой арцаха, мы должны сохранить Союз Суверенных государств», — говорил А. Саркисян на пресс-конференции в ЦК КПА[4]). «Актуальна ли сегодня проблема Карабаха и считает ли Республика Армения эту проблему своей или нет? На деле — нет... Эти политические силы пришли к власти, размахивая знаменем признания геноцида 1915г., но сегодня, даже не спрашивая мнение всего армянского народа,

---

1) О. Качазнуни. Открытое письмо г-ну Z-ну // Голос Армении. — 1990. — 18 ноября.

2) Э. Оганесян. Указ. соч. — С. 679.

3) Голос Армении. — 1990. — 24 мая.

4) Голос Армении. — 1991. — 1 февраля.

они как бы предали эту общенациональную проблему во имя установления экономических связей с Турцией... Кто сказал, что политическая независимость — гарантия независимости в целом?»[1] — отмечал С. Погосян на III этапе XIX съезда КПА.

Естественно, что происходит смычка этих двух, ранее относительно враждебных, но воплощающих в целом общую ментальность, ее разные аспекты сил, тем более, что у идеологии дашнаков сохраняется законсервированный, унаследованный из прошлого «социализм», противоречащий прокапиталистическим тенденциям АОДовской верхушки. (Как несколько наивно пишет Э. Оганесян, «лучше всего ... — «национал-социализм»..., не оскверни это сочетание Гитлер, оно вполне могло бы соответствовать идеалам дашнакской партии»[2]). Идеологическое сближение дашнаков и коммунистов имело и свой «кагэбэшный» аспект, впоследствии использованный против дашнаков Л. Тер-Петросяном.

К этим двум силам примыкают некоторые московские армянские деятели, чье влияние также зависит от их роли посредников между Москвой и Арменией. В наиболее острой и даже гротескной форме (вообще характерной для его публикаций с сильным патологическим оттенком) их настроение выражает З. Балоян в «Открытом письме Б. Ельцину»: «Именно сейчас, когда Россия стоит перед выбором пути к реальному спасению, христианский Карабах... будет продолжать борьбу за свое выживание как части исторической Армении, вошедшей в состав России, как надежный форпост... Нет карабахского вопроса как такового, он давно решен и скреплен кровью русских и армян. Скорее, есть вопрос Азербайджана, который был искусственно образован как буферное тюркоязычное административное деление»[3].

Весь этот разношерстный блок — промосковский, прорусский. Но эта «прорусскость» весьма специфична. Этот блок готов поддерживать любое российское правительство в расчете на то, что Россия «вернется на Кавказ», «накажет» Азербайджан, защитит от Турции и вообще поможет своему «историческому союзнику».

Э. Оганесян пишет: «Мы должны отказаться от всех тех шагов, которые противоречат русскому государственному интересу, независимо от того, кто представляет эти интересы — царь-

---

1) Голос Армении. — 1991. — 1 мая.

2) Э. Оганесян. Указ. соч. — С. 524.

3) Голос Армении. — 1991. — 16 февраля.

батюшка, националисты, демократы или коммунисты»[1]. Эта «прорусскость» — другая сторона болезненного, агрессивного, но исполненного неверия в собственные силы «комплекса неполноценности» и стремящегося действовать через других, чужими руками, национализма.

Между этими «прорусскими» силами и АОД разворачивается жестокая борьба. И это — не борьба «прорусской» и «протурецкой» ориентаций, не борьба между ориентацией на меньшую самостоятельность, но с возможностью расширения территории и реванша и ориентацией на отказ от реванша и экспансии, но за достижение полной независимости. Это — нечто большее. Это борьба новой, сложившейся в Армении элиты за полноту власти с элитой диаспоры, в том числе и российской. Это борьба новой, более реалистической, «нормальной» государственной философии с мифологией, переживанием травм прошлого и «комплексом неполноценности». Это — борьба реальности с мифом. И поскольку обретение Арменией независимости, ее столкновение «один на один» с миром — это по сути своей столкновение с реальностью, выход из состояния «аутических» фантазий, победа в этой борьбе скорее всего будет за АОД, во всяком случае, за воплощаемой им тенденцией.

Мы сравнивали армянскую и еврейскую истории. И, возможно, как для евреев создание Израиля сыграло громадную «терапевтическую» роль, «нормализовав» национальное самосознание, так и для армян достижение независимости сыграет аналогичную роль, и в XXI век Армения войдет «нормальной» страной, членом мирового сообщества, имеющей спокойные отношения соседями.

Карабахская война продолжается, унося все новые и новые жертвы. При всех революционных изменениях в своей политике и политической философии, Л. Тер-Петросян слишком скован и грузом прошлого (все же начинал он как борец за Карабах), и грузом настоящего: Карабах, в котором у власти стоят дашнаки, далеко не полностью подчиняется ему. И вообще он должен считаться с мощной оппозицией, чтобы пойти сейчас на какие-то реальные шаги к миру, признав, что Карабах — часть Азербайджана. Тем не менее, карабахская война все более ощущается в Армении как путы, унаследованные от прошлого и мешающие строительству «нормального государства». Почти несомненно, что скоро поиски выхода из карабахского тупика станут особенно интенсивны. При этом формула мира, очевидно,

---

1) Э. Оганесян. Век борьбы. — С. 684.

будет заключаться в признании Карабаха частью Азербайджана и выдаче дополнительных международных гарантий прав карабахских армян. Это будет практически та же самая формула, которую в 1988 г. безуспешно предлагал М.С. Горбачев. Но между 1988 г. и 1993 г. стоят изгнание всех армян из Азербайджана (кроме Карабаха) и азербайджанцев из Армении, погромы и зверства, Сумгаит и Ходжалы, разрушение экономик обеих стран (армянской в большей степени), немыслимые страдания сотен тысяч людей. Возникает естественный вопрос: нужно ли все это было, чтобы придти к тому же, чего спокойно можно было добиться четыре года назад?

И все же, как это ни печально признать, очевидно, четко сказать «нет» нельзя, нельзя ценой всех этих страданий совершать глубокие изменения в психологии народа. Распад СССР, принеся народам массу страданий, одновременно означал оздоровляющее «столкновение с реальностью» во всех ее аспектах — политическом, экономическом и др.. Может быть, армянам, как никакому другому народу СССР, это «столкновение с реальностью», которую могла дать лишь независимость, исчезновение «Центра», на который можно сваливать свои беды и неудачи, за которого можно прятаться», умолять его о помощи и т.д., было психологически необходимо.

Весь этот страшный путь, проделанный армянским народом за последние годы, был путем к этой реальности, путем изживания мифологического, «аутического» и невротического сознания. И если в дальнейшем будет существовать независимая Армения (пусть не «Великая» — ведь реальное величие народа очень мало связано с величиной занимаемой им территории), мирно живущая со своими соседями, избавившаяся от невротических кошмаров и грез, то можно сказать, что, как ни велики и ни бессмысленны с чисто рациональной точки зрения перенесенные за эти годы людские страдания, они не пропали зря. И не только для Армении, но и для всех народов этого региона, и для России. Ибо реальные интересы демократической России в Закавказье — это отнюдь не бессмысленное возобновление экспансии на Юг, при опоре на Армению, что предлагает России дашнакско-коммунистическая армянская оппозиция и ее приверженцы в Москве.

Интересы заключаются только в одном — в мире, демократическом правопорядке и процветании народов Закавказья. Демократической России в Закавказье нужно одно — иметь нормальных демократических соседей, в том числе и демократическую Армению.